Катя КАПОВИЧ

Катя Капович родилась в Молдавии, училась на Урале, первую книгу стихов издала в Израиле, в Америке живет с 1992 года. Стихи публиковались в журналах «Воздух», «Арион», «Знамя», «Новый мир», «Звезда» и др. В 2001 году за сборник английских стихов «Gogol in Rome» удостоена премии Библиотеки Конгресса США. Лауреат Русской премии 2013 года в номинации «Малая проза». Автор нескольких книг, в том числе книги стихов «Поговорим молчаниями» (Virgola Press, 2026). Профессор Свободного Университета. Живет в Бостоне, преподает мастер-классы на двух языках. В «Волге» публиковались стихи и рассказы.

НОВЫЕ СТИХИ

***

Ты скажи не по лжи, для чего мы рассудком богаты,
и растет на дрожжах наш словарный запас,
если волны, леса и карминного цвета закаты
сотни, тысячи лет обходились без нас?

Муравьи, золотые медведки, янтарные слизни –
продолжай, лимаколог, с начала времен до конца –
славно существовали еще при царизме
Сына, Духа, Отца.

Закругляя слова, разговаривал греческий мелос,
вереница Гомеров сплетала о мире рассказ,
мы с тобой опоздали, как с пьянки на поздний троллейбус,
этот мир сочинился без нас.

Но однажды взойдет синий лес, голубая крапива,
в известковую трещину вспыхнет слепой василек,
и проснется в земле допотопный зверек,
и увидит, что вышло красиво.

***

Когда игла на диске
запнется и замрет,
когда мы прекратимся
отдельно и народ,
займут в природе место
простые вещи дней:
из ситца занавеска

и дерево за ней.
Листвы, светящей в окна,
зеленая копна,
фонарь, аптека Блока,
Иванова страна.
Простотой девчачий говор –
как без вещей простых?
И сам он тоже умер,
наверное, за них.

***

Нежно яблони струятся
в разведенный белый свет
их плоды в ветвях роятся,
словно множество планет.
Прилетает в позднем лете
в сад рабочая пчела.
Я, когда жила на свете,
тоже ведь пчелой была.
Прилетает, припадает
к падалице золотой
и сама того не знает,
что была когда-то мной.
Я однажды в мир воскресну,
чтобы заново жилось,
трупик сухонький, прелестный
соберу в тугую горсть.
И увижу над собою:
яблони струят свой свет,
где была простой пчелою
да сошла на нет.

***

После гибели баскетболиста –
от разрыва сердца умер он –
мяч домой зареванным ввалился
и не отвечал на телефон.
Пролежал в депрессии неделю,
ничего не ел он и не пил.
Так бы вот о нас потом грустили
те, кто нас при жизни позабыл.
Оклемался… Прыть и личный опыт

надо всем в природе верх берут,
с детворою на площадку ходит,
прыгает средь них по полю тут.
О баскетболисте стёрлась память,
напрочь парня позабыл народ,
а тот мяч летает и летает,
и кольцо смеётся в полный рот.

***

Там, где детьми в подворотне смеха,
в поле река и от леса эхо,
красно-зеленый с полоской мячик,
я была девочка, ты был мальчик,
где под ногами летал щенок,
облако, облако, шерсти клок.

Радостно дальше живи кто может,
мы стали книгами без обложек,
эхо вполне пригодилось к слову,
что же ты плачешь, рева-корова,
прежний щенок ждет в созвездье Пса,
слышатся детские голоса.

Там продолжается все на свете,
вот бы очнуться и вновь мы дети,
эники беники, в кровь коленки,
гуси и лебеди в две шеренги,
там ты напротив меня навек,
даже когда летний день померк.

Светит в долину окно на пятом,
небо приблизилось к млечным хатам,
черен по осени виноград,
там посвищу тебя, мой Леандр,
чтобы к последней реке взапуски,
не отпускай там моей руки.

Пока вода темна

В окне напротив выключили свет,
и стало видно, как дрожит граница.
На карте есть дорога на зюйд-вест,
но на земле дорога не годится.

В подвале пахнет яблоком и ртом,
сырою шерстью, пылью и железом.
Кто не успел, тот не узнает, кто
уже не сможет возвратиться лесом.

Вода течёт, не спрашивая дат,
несёт доску, ботинок, листья, ветку.
И рыбы ничего не говорят,
хотя давно уже всё знают это.

А где-то мальчик пишет на стене
и.о.ф. себя и матери упорно,
и спит отец, всплывая на спине,
пока вода темна и катит волны.

И если утро вынесет из вод
бутылку из-под горечи початой,
то значит там, над водами есть тот,
кто, если объяснять – то и не надо.

***

Различай, откуда осень в мире,
только в ноябре тепло в квартире,
с батареи волглое пальто,
вечером троллейбусом в Лито.

По дороге женщина с работы,
мимо проходи и обгоняй,
с ней один ребенок для заботы,
за воротами собачий лай.

Что поэта из меня не выйдет,
говорил руководитель мне,
автор «Елок Ильича». Он пилит
их теперь и продает в Москве.

Там читали Кушнера по кругу,
поднимали маленькую вьюгу,
но одна внутри цепной пурги
знала я Елагина стихи.

Про лесок, канаву и крапиву,
про уеду, больше не вернусь,

так и вышло, стала жизнь красива
вот такой и остается пусть.

***

Из гостей уходить в переулки,
одиночество пряча внутри,
сторожихе в прокуренной будке
оставлять полбутылки «Шабли».

Электричкой последней, гремящей
в продувную скучнейшую ночь
выметается пригород дачный,
где подлесок по осени тощ.

Очень мало в окошках тут света,
как сказал всем известный поэт,
а придешь через многие лета,
и поэта уж этого нет.

Жест потомка: «Вот русские печи,
подписались на евроремонт».
Остается лишь сор человечий
как поэт бы заметил бы тот.

Засидишься вот так, водки с соком
вмажешь чувственно под болтовню,
и от дома до станции пёхом,
и стоишь у платформ на краю.

***

Сперва на пух походит тополиный,
потом рисует нам пейзаж целинный
огромный снег, и хлопья так летят,
что впору на оконный крест молиться,
тогда выходит из лесу лисица
и за собой ведет своих лисят.

Наст прогибается под ними ломко,
бежит по снегу рыжая поземка,
слух заострен, понятен каждый звук,
лиса ведет их вдоль слепых окраин,
больших заборов с их собачьим лаем,

лесных гостей берущим на испуг.

Она тут знает все места прокорма
и помнит, как за ней была погоня,
когда она в неверный двор зашла,
хозяин из ружья пальнул по гостье
и благо пуля пролетела возле,
но память никогда не зажила.

Она бы сроду не входила в город,
когда бы не потомство и не голод,
не снега посиневшие бугры,
тогда лиса, забывши все плохое,
с лисятами приходит за едою
в расчищенные ото льда дворы.

Лисята лезут в мусорные баки,
вкусны хрящи и пирога остатки,
но код уже впечатан в ДНК,
что смерть имеет форму карабина
в руках у зверобойного мужчины.
Теперь я все сказала – тчк.

ВОПРОСЫ

Что за чудное дерево, в полном обхвате в шесть рук,
столько раз проходила по улице, не расспросила,
был сосед наш хозяином дома и сада вокруг,
каждой Новоанглийскою осенью ставил стропила,
островерхую старую крышу латал высоко,
сам теперь выше крыши, но только не спросишь его.

Ну, а все ж интересно, какой он там выбрал пейзаж?
Говорят, жизнь пространствовал, был он биолог? географ?
В двадцать пять он из дома уехал и времени фарш
закрутился: Корея, Австралия, в Азии остров,
у жены был другой, умерла, умер он. Интересно,
как теперь они там, все втроем? или впрямь бестелесны?

Стало быть, веришь в то, что есть некая местность по ту,
а не просто уходим и вертимся вместе с Землею?
Верю не по уставу. Как мать умерла, я веду
разговоры, она отвечает водою, листвою,
этим сводчатым деревом с длинным древесным умом,
перелетной порою всем птичьим консилиумом.

Веришь ли, что спасатель людей и зверей из тенет
собирает всех вместе, где дерево ветвь наклоняет.
Верю каждою Новоанглийскою осенью в свет
каждый раз, как листву юго-западный ветер листает,
мать тогда прилетает, собака заливисто лает,
чует псина, и память берет угасающий след.

***

Палевые листья, синеватый снег,
вот и год уходит, грустен человек,
черная дорога, мерзлая трава,
жизни было много, стало малова…

Страшно, что привыкли видеть это зло,
не разбилось сердце, крышу не снесло,
вот бреду куда-то, пустота в груди –
извините, листья, мокрый снег, прости.

***

В полынью провалился январь,
и над миром дымился словарь,
чьи слова потеряли значенье,
я пошла, отцепившись от плоти,
для души отыскать помещенье,
потому что устала в природе.

И тогда для меня рай настал
там, где вечность гудит, как вокзал,
где в обед по заявкам концерты,
и народец в колхозном саду
открывает с тушенкой консервы
и сидит с общей песней во рту.

Мне бы знать, что там будет со мной
за великой последней стеной,
не придется ли снова по кругу
объяснять, для чего я жила,
нелюбви твоей знала науку,
мерзлой ночью с тобою спала.

Я с собой принесла горсть ирисок,

пару писем из города Эл,
ни высок это рай и не низок,
я бродила, рассеянный призрак, –
слишком светел был рай, слишком бел.
…

На порядок в аду интересней:
там смола, и дымок, и река,
там у каждого личная песня,
тихий вой от звонка до звонка.
Там сосед в Новогодние запил,
ловит чертиков в восемь утра,
там рабочий по имени Павел
все под окнами кличет Петра.
Там дежурный по аду в ночную
книгу жизни читает вслепую,
в красной топке сжигает листы –
вот бы жить здесь со всеми на «ты».

Я бы тут никогда не скучала,
нету времени-места тоске,
лишь бы речка всю ночь бормотала
на едином с тобой языке.
А когда ни огня, ни дороги,
ни спасенья от легкой строки,
пусть останутся черные круги
на поверхности черной реки,
и плывут, раскачавшись, как лодки,
и мигают в тумане вдали,
и расскажут они сумасбродке,
кем мы были, куда мы ушли.